

И.В. СТАЛИН

ТОМ

10

1927

АВГУСТ - ДЕКАБРЬ

Тираж 515 тыс. экз. (501—515 тыс.)

Подписано в печать с матриц

15/IV 1950 г.

Объем 25¹/₂ печ. л.

Заказ № 1266.

Цена 6 руб.

*Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова*

*Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый том Сочинений И. В. Сталина содержит произведения, написанные с августа по декабрь 1927 года.

К концу 1927 года были достигнуты решающие успехи политики социалистической индустриализации страны. Перед большевистской партией и советским народом встала насущная задача перехода на путь коллективизации сельского хозяйства.

В политическом отчёте Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) И. В. Сталин даёт анализ международного положения Советского Союза, положения в капиталистических странах, состояния революционного движения во всём мире; показывает успехи социалистического строительства в СССР в условиях капиталистического окружения; определяет задачи расширения и укрепления социалистических командных высот и ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве. И. В. Сталин обосновывает курс на коллективизацию сельского хозяйства, одобренный и принятый съездом.

В отчётном докладе и в заключительном слове по докладу на XV съезде ВКП(б), в речах «Политическая

физиономия русской оппозиции», «Троцкистская оппозиция прежде и теперь», «Партия и оппозиция» и в других произведениях И. В. Сталин завершает идейный разгром троцкизма и ставит перед партией задачу полного организационного разгрома и ликвидации троцкистско-зиновьевского антисоветского блока, подчёркивает необходимость неустанной борьбы за единство и железную дисциплину в рядах большевистской партии.

Произведения И. В. Сталина «Международный характер Октябрьской революции», «Беседа с иностранными рабочими делегациями», «Международное положение и оборона СССР» раскрывают всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, означающей коренной поворот в истории человечества от капитализма к коммунизму, победу марксизма-ленинизма над социал-демократизмом. И. В. Сталин подчёркивает значение СССР как базы мирового революционного движения и необходимость защиты Советского Союза от нападений со стороны империализма.

В «Беседе с первой американской рабочей делегацией» И. В. Сталин показывает неразрывное единство марксизма и ленинизма и раскрывает то новое, что внёс Ленин в общую сокровищницу марксизма, развивая учение Маркса — Энгельса применительно к новой эпохе — эпохе империализма и пролетарских революций.

В десятом томе впервые публикуются письмо «Товарищу М. И. Ульяновой. Ответ товарищу Л. Михельсону» и «Конспект статьи «Международный характер Октябрьской революции»».

*Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)*

**ОБЪЕДИНЁННЫЙ ПЛЕНУМ
ЦК и ЦКК ВКП(б)¹**

29 июля — 9 августа 1927 г.

*И. Сталин. Об оппозиции.
Статьи и речи 1921—1927 гг.,
М.—Л., 1928*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБОРОНА СССР

Речь 1 августа

ВЫПАДЫ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ СЕКЦИЙ КОМИНТЕРНА

Товарищи! Я хотел бы прежде всего остановиться на вопросе о выпадах Каменева, Зиновьева и Троцкого против секций Коминтерна, против польской секции Коминтерна, против австрийской, против английской, против китайской секций. Я хотел бы этого вопроса коснуться потому, что они, оппозиционеры, замутили здесь воду, пустили пыль в глаза насчёт братских партий, а между тем нам нужна здесь ясность, а не оппозиционная болтовня.

Вопрос о польской партии. Зиновьев здесь храбро заявил, что если там, в польской партии, имеется правый уклон в лице Варского, то в этом виноват Коммунистический Интернационал, существующее руководство Коминтерна. Он говорил, что если Варский одно время стоял — он, действительно, стоял — на точке зрения поддержки войск Пилсудского, то в этом виноват Коминтерн.

Это совершенно неправильно. Я хотел бы сослаться на факты, на известные вам места из стенограммы пленума ЦК и ЦКК в июле месяце прошлого года, сослаться и привести свидетельство такого человека, как

тов. Дзержинский, который заявил тогда, что если в польской партии был правый уклон, то его культивировал не кто иной, как Зиновьев.

Это было в дни так называемого восстания Пилсудского², когда мы, члены польской комиссии ИККИ и ЦК нашей партии, куда входили Дзержинский, Уншлихт, я, Зиновьев и другие, выработали решения для коммунистической партии Польши. Зиновьев, как председатель Коминтерна, внёс тогда свой проект предложений, где он, между прочим, говорил, что в данный момент в Польше, когда борьба сил, стоящих за Пилсудского, и сил, стоящих за польское правительство Витоса, разгорается, что в этот момент политика нейтральности со стороны коммунистической партии недопустима, и что не надо пока делать острых выступлений против Пилсудского.

Мы, несколько человек, в том числе Дзержинский, возражали тогда, говоря, что эта директива неправильна, что она только собьёт с толку коммунистическую партию Польши. Надо сказать, что недопустима не только политика нейтральности, но и политика поддержки Пилсудского. После некоторых возражений, эта директива была принята с нашими поправками.

Я хочу этим сказать, что не составляет большой храбрости выступать против Варского, который допустил тогда ошибку и которого за это считали как следует, но валить с больной головы на здоровую, взваливать свою вину в культивировании правого уклона в польской партии, вину Зиновьева, на Коминтерн, на нынешних руководителей Коминтерна — значит совершать преступление против Коминтерна.

Вы скажете, что это мелочь, и я зря занимаюсь этим. Нет, товарищи, это не мелочь. Борьба против правого уклона в польской партии продолжается и будет еще продолжаться. Зиновьев имеет, — ну, как бы это помягче сказать, — смелость утверждать, что правый уклон поддерживается нынешним руководством Коминтерна. Но факты говорят обратное. Они говорят, что Зиновьев клеветает на Коминтерн, взваливая с больной головы на здоровую. Это ему, Зиновьеву, привычно, в этом нет ничего нового для него. Однако наша обязанность состоит в том, чтобы эту его клеветническую манеру разоблачать каждый раз.

Насчёт Австрии. Зиновьев здесь утверждал, что австрийская коммунистическая партия слаба, что она не сумела взять на себя руководство тем выступлением, которое имело место недавно в Вене³. Это и верно и неверно. Что австрийская компартия слаба, это верно. Но отрицать, что она действовала правильно, значит клеветать на неё. Да, она еще слаба, но слаба, между прочим, потому, что нет еще того глубокого революционного кризиса капитализма, который революционизирует массы, который дезорганизует социал-демократию и подымает быстро шансы коммунизма, слаба потому, что она молода, потому, что в Австрии давно уже утвердилось господство социал-демократической «левой»⁴, которая умеет, прикрываясь левой фразой, проводить правое, оппортунистическое дело, потому, что разбить социал-демократию одним ударом невозможно. Но к чему, собственно, ведёт дело Зиновьев? Он намекал, но не решился прямо сказать, что если австрийская компартия слаба, то в этом виноват Коминтерн. Очевидно, он это хотел сказать. Но это уж покушение с негодными

средствами. Это клевета. Наоборот, именно после того, как Зиновьева не стало, как председателя Коминтерна, австрийская компартия освободилась от дёрганий, от беспорядочного вмешательства в её внутреннюю жизнь и получила, таким образом, возможность двигаться вперёд, развиваться. Разве тот факт, что она сумела принять в венских событиях активнейшее участие, завоевав на свою сторону сочувствие рабочих масс, — разве это не говорит о том, что австрийская компартия растёт, превращаясь в массовую партию? Как можно отрицать эти очевидные факты?

Выпад против английской компартии. Зиновьев уверял, что английская компартия ничего не выиграла от всеобщей и угольной забастовки⁵, что она вышла из борьбы как будто даже ослабевшей. Это неправильно. Неправильно потому, что удельный вес коммунистической партии Англии растёт изо дня в день. Это могут отрицать только слепые. Это видно хотя бы из того, что если раньше на неё английская буржуазия не обращала серьёзного внимания, то теперь она, наоборот, преследует компартию Англии бешено, и не только она, но и Генсовет⁶, но и лейбористская партия Англии организуют против «своих» коммунистов бешеный поход. Почему до сих пор более или менее терпели английских коммунистов? Потому, что они были слабы, их влияние в массах было слабое. Почему перестали их терпеть, почему стали на них бешено нападать? Потому, что бояться компартии, как силы, потому, что лидеры английской лейбористской партии и Генсовета боятся её, как своего могильщика. Зиновьев забывает об этом.

Я не отрицаю, что вообще западные секции Коминтерна всё еще более или менее слабы. Этого

нельзя отрицать. Но где причины? Главные из этих причин:

это, во-первых, отсутствие того глубокого революционного кризиса, который революционизирует массы, поднимает их на ноги и круто поворачивает их в сторону коммунизма;

это, во-вторых, то обстоятельство, что во всех странах Западной Европы преобладающей силой пока что среди рабочих являются социал-демократические партии, более старые, чем компартии, которые появились недавно и от которых нельзя требовать, чтобы они одним ударом разгромили социал-демократические партии.

И разве это не факт, что, несмотря на эти обстоятельства, компартии на Западе растут, что их популярность в рабочих массах подымается, что одни из них уже стали, а другие становятся действительно массовыми партиями пролетариата?

Но есть ещё одна причина, которая мешает быстрому росту компартий на Западе. Это раскольничья работа оппозиции, той самой оппозиции, которая здесь сидит, в этом зале. Что требуется для того, чтобы компартии росли быстрым темпом? Железное единство Коминтерна, отсутствие раскола в его секциях. А что делает оппозиция? Она создала вторую партию в Германии, партию Маслова и Рут Фишер. Она старается создать такие же раскольничьи группы в других странах Европы. Она, наша оппозиция, создала вторую партию в Германии с центральным комитетом, центральным органом, парламентской фракцией, она организовала в Коминтерне раскол, зная хорошо, что раскол в данном случае не может не тормозить рост компартий, — и теперь сама же кричит, кивая на Коминтерн, что

компартии на Западе растут медленно! Вот уж действительно нахальство, не знающее пределов...

Насчёт китайской коммунистической партии. Оппозиционеры кричат, что у неё, у китайской коммунистической партии, собственно — у её руководства, имеются социал-демократические, меньшевистские ошибки. Это правильно. Упрекают в этом руководство Коминтерна. Вот это уж совершенно неправильно. Наоборот, ошибки руководства китайской коммунистической партии Коминтерн исправлял систематически. Это могут отрицать только слепые. Вы знаете это из печати, из «Правды», из «Коммунистического Интернационала»⁷, вы знаете это из постановлений Коминтерна. Никогда, ни одной директивы, ни одной резолюции Коминтерна, могущей породить меньшевистский уклон в ЦК китайской коммунистической партии, не назвала и не назовет оппозиция, ибо нет таких директив в природе. Глупо думать, что если меньшевистский уклон зародился где-либо в компартии или её ЦК, то виноват в этом обязательно Коминтерн.

Каменев спрашивает, — откуда могли взяться меньшевистские ошибки у китайской коммунистической партии, и отвечает, что они могли взяться лишь благодаря неверному руководству Коминтерна. А я спрашиваю: откуда взялись меньшевистские ошибки в германской компартии во время революции 1923 года? Откуда взялось брандлерианство⁸? Кто его поддерживал? Разве это не факт, что меньшевистские ошибки ЦК германской партии поддерживал нынешний лидер оппозиции Троцкий? Почему Каменев не говорил тогда, что появление брандлерианства объясняется неправильным руководством Коминтерна? Каменев и

Троцкий забыли уроки революционного движения пролетариата. Они забыли, что при подъёме революции обязательно должны появиться в компартиях правый и левый уклоны, из коих первый не хочет расстаться с прошлым, а второй не хочет считаться с настоящим. Они забыли, что без этих уклонов не бывает революций.

А что было у нас в Октябре 1917 года, разве не было тогда в нашей партии правого и левого уклона? Неужели Каменев и Зиновьев забыли об этом? Помните ли, товарищи, историю меньшевистских ошибок Каменева и Зиновьева в Октябре? Откуда появились тогда эти ошибки? Кто был в этом виноват? Разве можно было винить в этом Ленина или ЦК ленинской партии? Как могла «забыть» об этих и подобных им фактах оппозиция? Как могла она «забыть», что всегда при подъёме революции появляются внутри партий правый и левый уклоны от марксизма? А в чём состоит при этом задача марксистов, задача ленинцев? В том, чтобы бить и левых и правых уклонистов.

Меня поражает высокомерие Троцкого, который, видите ли, терпеть не может, оказывается, малейших ошибок у компартий на Западе или на Востоке. Он поражён, видите ли, что там, в Китае, где имеется молодая партия, которая насчитывает едва два года существования, что там могли появиться меньшевистские ошибки. А сколько лет блуждал сам Троцкий среди меньшевиков? Об этом он забыл? Ведь он блуждал среди меньшевиков целых 14 лет — с 1903 до 1917 года. Почему он даёт себе 14-летний срок для того, чтобы, блуждая по всяким антиленинским «течениям», приблизиться потом к большевикам, а молодым китайским коммунистам не хочет дать хотя бы 4-летний срок?

Почему он так высокомерен к другим, забывая о своих собственных блужданиях? Почему? Где же тут, так сказать, «справедливость»?

II О КИТАЕ

Перейдём к вопросу о Китае.

Я не буду распространяться об ошибках оппозиции по вопросу о характере и перспективах китайской революции. Не буду, так как об этом сказано достаточно много и достаточно убедительно, и повторяться здесь не стоит. Не буду я распространяться о том, что китайская революция на нынешней стадии является будто бы революцией за таможенную автономию (Троцкий). Не стоит также распространяться о том, что в Китае не существует будто бы феодальных пережитков, а если они и существуют, то не имеют сколько-нибудь серьёзного значения, причём аграрная революция в Китае становится, таким образом, совершенно непонятной (Троцкий и Радек). Об этих и подобных им ошибках оппозиции по китайскому вопросу вы, должно быть, уже знаете из нашей партийной печати.

Перейдём к вопросу об основных исходных пунктах ленинизма при решении вопросов революции в колониальных и зависимых странах.

В чём состоит исходный пункт Коминтерна и коммунистических партий вообще при подходе к вопросам революционного движения в колониальных и зависимых странах?

Он состоит в строгом различении между революцией в странах империалистических, в странах, угнетающих другие народы, и революцией в странах колониальных

и зависимых, в странах, терпящих империалистический гнёт других государств. Революция в империалистических странах — это одно, там буржуазия является угнетателем других народов, там она контрреволюционна на всех стадиях революции, там момент национальный, как момент освободительной борьбы, отсутствует. Революция в колониальных и зависимых странах — это нечто другое, там гнёт империализма других государств является одним из факторов революции, там этот гнёт не может не задевать также и национальную буржуазию, там национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок может поддерживать революционное движение своей страны против империализма, там национальный момент, как момент борьбы за освобождение, является фактором революции.

Не делать этого различия, не понимать этой разницы, отождествлять революцию в империалистических странах с революцией в странах колониальных, — это значит сойти с пути марксизма, с пути ленинизма, стать на путь сторонников II Интернационала.

Вот что говорил об этом Ленин в своём докладе по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна:

«Что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетёнными и угнетающими народами. Мы подчёркиваем это различие — в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии» * (т. XXV, стр. 351).

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает и не признаёт этой разницы между революцией одного типа и революцией другого типа.

* Курсив мой. И. Ст.

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она отождествляет революцию 1905 года в России, в стране империалистической, угнетавшей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетённой, полуколониальной, вынужденной бороться против империалистического гнёта других государств.

У нас в России, в 1905 году, революция шла против буржуазии, против либеральной буржуазии, несмотря на то, что революция была буржуазно-демократической. Почему? Потому, что либеральная буржуазия империалистической страны не может не быть контрреволюционной. Именно поэтому у большевиков не было тогда и не могло быть речи о временных блоках и соглашениях с либеральной буржуазией. Исходя из этого, оппозиция утверждает, что то же самое должно быть проведено в Китае на всех стадиях революционного движения, что временные соглашения и блоки с национальной буржуазией никогда и ни при каких условиях недопустимы в Китае. Но оппозиция забывает, что так могут говорить лишь люди, не понимающие и не признающие разницы между революцией в угнетённых странах и революцией в угнетающих странах, что так могут говорить лишь люди, рвущие с ленинизмом и скатывающиеся к сторонникам II Интернационала.

Вот что говорит Ленин о допустимости временных соглашений и блоков с буржуазно-освободительным движением в колониальных странах:

«Коммунистический Интернационал должен идти во **временном союзе** * с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его

* Курсив мой. И. Ст.